

“ПРОСТИ, ЧТО ТЫ ПОГИБ...”

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы песчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой...

Из “афганской” песни

Когда они проходили по фойе, им уступали дорогу, их провожали взглядами. Они были героями дня, и это как-то само собой проявлялось в особом к ним внимании. А они, конечно, замечали это. Одни чувствовали себя явно неловко от непривычного этого внимания, держались несколько скованно, солидно проходя мимо взглядов и старательно не замечая их. Другие, похоже, словно наслаждались необычностью своего положения. Они сновали по фойе и вестибюлям, появляясь то тут, то там, окликая друзей, шумно здороваясь, обнимаясь, словно демонстрируя и себя, и свои блестящие на груди награды. “Да, мы такие, — словно говорил весь их внешний вид, — мы и обыкновенные, как все, и необыкновенные, потому что были там, в Афганистане, где, как известно, на каждом шагу подстерегала смерть, где наши ребята проявили лучшие свои качества: стойкость, верность, самоотверженность”.

Вечер памяти воинов, погибших в Афганистане, проходил в череповецком Дворце культуры строителей в ветреный непогожий день декабря. Как раз исполнилась десятая годовщина ввода наших войск в соседнее суверенное государство. Шел во дворец и думал: попаду на небольшое торжественно-траурное мероприятие, соберутся бывшие войны-“афганцы”, их родные, близкие, друзья, придут родители тех, кто погиб, прозвучат слова скорби и благодарности погибшим, вернувшиеся расскажут о том, что пришлось испытать.

Мероприятие далеко не увеселительное. Думалось, многие ли захотят принять в нем участие? А оказалось, многие. До начала оставалось еще добрых полчаса, а просторные вестибюли и фойе дворца уже были заполнены людьми. Вечер проводили в большом зале,

а он вмещает чуть ли не тысячу человек. Были здесь и люди солидного возраста – видимо, отцы и матери тех, кто воевал, и совсем еще молодые парни и девушки – их большинство.

Члены городского клуба воинов-интернационалистов решили провести не официальное торжественно-траурное мероприятие, а своеобразный театрализованный вечер. В программе его и “минута молчания”, и проецируемые на экран портреты погибших, и кадры военной кинохроники, и выступления художественной самодеятельности – в основном самодеятельные “афганские” песни под гитару, исполнителями которых стали сами же воины.

Вот на экране – кадры военной кинохроники. Участок горной дороги. Голые камни. Лишь изредка среди камней мелькнет что-то похожее то ли на куст, то ли на какое-то растение. Врага не видно. Но ясно передается ощущение, что он где-то здесь, рядом. Наш танк идет по дороге, на секунду останавливается, открывает огонь...

Наверно, многие присутствующие в зале родители “афганцев”, глядя на эти кадры, смогли зримо представить, почувствовать обстановку, в которой находился их сын.

А на экране уже портреты тех парней, что погибли. Такие живые, такие нашенские лица. И трудно поверить, что их уже нет и не будет никогда. Торжественный и скорбный голос называет их звания и имена. В их числе командир танка младший сержант Андрей Катайков.

“Мы склоняем головы перед вашим подвигом”, – звучит голос за кадром.

Объявляется минута молчания. Все встают. В наступившей тишине гулко отсчитывает свои удары метроном.

А потом звучат песни. Может быть, не очень уж профессионально сделанные, зато наполненные такими конкретными деталями, которые вряд ли смог бы придумать не побывавший там поэт-профессионал. И столько в них мужества, суровой гордости за свою причастность к верному военному братству, где “каждого каждый хранил и берег”, где в трудную минуту подставляли товарищу не только плечо – готовы были отдать жизнь.

Вот так, спасая товарища, погиб и Андрей Катайков.

Прости, что ты погиб,
А я всего лишь ранен,

– словно обращаясь именно к нему, пел одетый в форму десантника воин.

Родные и близкие Катайкова, видимо, уже никогда не узнают подробностей того, как погиб их Андрей. Скупые строчки пришедшего из части официального сообщения почти не содержат подробностей: “16 января,– говорится в нем,– в ходе операции обеспечивал выполнение боевой задачи мотострелкового батальона. Умело командуя экипажем, огнем из танка уничтожил вражескую засаду. Продвигаясь по указанному маршруту, танк подвергся гранатометному обстрелу и упал в реку Лога. Спасая механика-водителя, младший сержант Катайков погиб”.

Почти ничего не сообщил и сопровождавший гроб с телом Андрея солдат из той же воинской части. Сказал только, что Андрей погиб рано утром, часа в четыре, уже 17 января.

Было это в 1983 году. Всего только четвертый год пошел, как наши войска были введены в Афганистан. Первые пришедшие оттуда похоронки воспринимались еще как весточки о случайной гибели солдат. Ведь по бытовавшей тогда версии они не воевали, только несли службу по охране дорог. О подробностях, масштабах потерь старались не говорить. Может быть, и Андрей погиб не совсем так, как написано в официальном сообщении. Но во всяком случае – достойно. Потому что посмертно награжден орденом Красной Звезды. А ордена на войне так просто не раздают.

Татьяна Николаевна, вдова Андрея, нашла на карте Афганистана провинцию Пактия, где он погиб. Населенный пункт Дожа и речка Лога, конечно, не обозначены. Да что смотреть на карту! Смотри, не смотри – не вернешь.

Всего только месяц пробыл Андрей в Афганистане. Всего одно письмо оттуда получила от него Татьяна Николаевна. Андрей писал о том, какие красивые горы, как по утрам от земли поднимается густой туман, и просил не беспокоиться, не верить слухам о боях. Еще просил прислать фотографию Анечки – пятимесячной дочери, которую он так ни разу и не увидел.

Письмо Таня получила 28 января. 29 января послала ответ. Выходит, писала уже мертвому. 31 января гроб с телом Андрея привезли в Череповец.

Татьяна Николаевна перебирает фотографии. Их много, в нескольких альбомах. Группы молодых людей на

сельхозработках, где-то на отдыхе на берегу реки. Но Андрея на них почти нигде нет. Потому что фотографировал он сам, а его сфотографировать почти всегда было некому.

Таня и Андрей учились вместе в пединституте. Подружились на втором курсе. Одной компанией – сами себя называли городищенской группой – ездили в свободное время на Рыбинское водохранилище, на реку Суду, в другие места. Поженились после окончания института. Но прожили вместе всего семь месяцев. В августе была свадьба, а в марте Андрея призвали в армию.

Короткая жизнь...

Андрей не любил ничегонеделанья, пустой болтовни. Любил такие занятия, где требовалось кропотливо поработать, поломать голову, прежде чем найти решение. Мог отремонтировать телевизор, собрать радиоприемник, усилитель, какую-нибудь приставку к магнитофону.

– Андрей за всю жизнь ни разу не закурил, не выпил ни капли спиртного, – рассказывает Таня.

– А на свадьбе?

– И на свадьбе, и после нее, когда мы объезжали родню, для нас подавали только лимонад.

Татьяна Николаевна раскрывает альбом свадебных фотографий. Тут, естественно, Андрей почти везде. Улыбчивое, открытое лицо, пышные, чуть вьющиеся волосы, усы, без которых в наше время, кажется, и мужчина не мужчина.

Ничего особенного, как все, как те, чьи фотографии промелькнули на вечере памяти, как и те, что пели об Афгане, о войне.

Прости, что ты погиб,
А я всего лишь ранен...

Это просто случай, что в той трагической ситуации оказался именно Андрей Катайков.

Б. Ромодин